

Ordinary English-language usage makes a clear distinction between “facts” and “values”, and when people muddle the two it is put down to bias, prejudice, stupidity, cruelty, madness, propaganda, ideology and much else besides. In many contexts, to distinguish facts and values is thus very appropriate. The distinction was also a standard part of positivist epistemology and the rhetoric separating “pure” and “applied” science. Nevertheless, many people, myself included, think it not possible to maintain an absolute distinction between factual and evaluative statements, however useful the distinction may be in ordinary speech. Any statement contains implicit evaluation (e.g., a statement of fact implies the value of saying something true; saying I was born in 1945 makes a huge evaluation of the appropriate calendar measure): evaluation is a dimension of all discourse. Our human world, I want to say, as a matter of fact, is an evaluative world: *things matter*.

With that said, it still leaves us to say what is good and bad. Here, I suspect, there is a deep-lying circularity, very possibly a necessary circularity. To assert that something is good requires a prior conception of what is good, but we have this conception because of our life in a community. Many people think this is not enough and search beyond for an objective absolute, for a God, for transcendent reason or for the evolutionary conditions of nature. But this search, I suppose, only transposes the problem, making ontological claims about gods or reason or nature in place of ontological claims about what is good. We do indeed, as we must, assert some basis on which to build our beliefs about the world, and our notion of what is good may be just such a basic assertion.

Роджер Смит¹

Это дьявольский вопрос. Я бы не стал задавать его, не говоря уж о том, чтобы отвечать. Но меня спросили...

¹ Роджер Смит — Reader Emeritus по истории науки, Университет Ланкастера, Англия, и независимый ученый, сотрудничающий с Институтом естествознания и техники, Институтом психологии и Институтом философии Российской академии наук, Москва. Автор книг “Trial by Medicine: Insanity and Responsibility in Victorian Trials” (1981), “Inhibition: History and Meaning in the Sciences of Mind and Brain” (1992), “The Fontana History of the Human Sciences” (1997), “Being Human: Historical Knowledge and the Creation of Human Nature” (2007), “Between Mind and Nature: A History of Psychology” (2013), “Free Will and the Human Sciences in Britain, 1870–1910” (2013); на русском — «История психологии» (2007), «История гуманитарных наук» (2009).

Я подозреваю, что ответ большинства людей на вопрос «Что такое мораль?» принял бы форму утверждений о людях, делающих нечто хорошее. Философы, возглавляемые этиками, установили стандартные описания различных позиций по вопросу о природе блага: утилитаристское, натуралистическое, кантианское, основанное на вере, экзистенциалистское и т. д. Мораль – это то, что изучают преподаватели и студенты курсов по этике, природа того, о чем люди думают как о хорошем и плохом, правильном и неправильном, и основания, по которым они дают такие оценки. Что еще более важно, мораль – и, конечно, аморальность – есть нечто, выражаемое обычными людьми все время. Как и почему они делают это, очевидно является основой философского понимания, так же как это, должно быть, является основой доброты (усиления благожелательности). Вопрос «Что есть мораль?» содержит в себе и большее: каково обоснование оценок, ценностных суждений любого рода? Почему в языке в добавление к дескриптивности должна присутствовать императивность?

Должно быть, мой ответ имеет скорее личный, а не систематический характер.

Отсутствие согласия и незавершенность философского спора об этике являются нормой. Существуют идеалисты, для которых утилитаристская позиция, что следует судить, определяя последствия для человеческого благополучия (как бы оно ни понималось), просто уничтожает подлинный этический дискурс. И есть утилитаристы, для которых любое представление о мире, не опирающееся на знание природы, является предрассудком. И все же внутри определенных сообществ часто *на практике, в практической области* существует высокая степень согласия. Философы постоянно собираются для обсуждения своих расхождений, и они признают общую мораль, чтобы это стало возможным. То, как они делают это, может сказать нам о морали больше, чем то, что они сами говорят о ней. Конечно, мы многое знаем о том, какие общественные механизмы способствуют творческому несогласию и какие усиливают конфликт. В таком случае следует задаться вопросом, не лежит ли в основе проблемы человеческих отношений неудачность политических институтов, а не моральное разногласие. Ключевой вопрос может быть сформулирован следующим образом: «Почему социальная жизнь столь плодотворна конфликтами и столь недоступна для моральных соображений?». Трудная и, возможно, неразрешимая для морального рассмотрения проблема возникает, когда люди утверждают абсолюты, требующие такой веры, которой обладает только определенное сообщество.

Вопрос «Что есть мораль?» является вопросом онтологии, того, что мы считаем существующим, когда размышляем о человеческой жизни и поступках. Это социальный факт, что в той культурной традиции, в которой я живу, различие

между хорошим и плохим принимается как внутренне присущее бытию человеку: бытие людей – моральное. Формулирование в общем виде таких утверждений в качестве человеческих универсалий сталкивается с многими трудностями, но в западной традиции моральная дифференциация имеет онтологический статус. Человек, не способный различать хорошее и плохое, является аномалией, чудовищем, приводящим нас в состояние бессильного ужаса перед злым тираном и порождающим медицинско-правовую проблему психопата.

Язык моральных различений отличается в силу двух противоположностей: противоположностью языку, говорящему о фактах, и противоположностью говорящему не о человеческом, а о принадлежащем природе или божественному. Мораль оценочна, а не дескриптивна, и моральные суждения соответственно есть суждения о человеческих поступках, а не событиях в природе или поступках Бога (или богов). Разговор о морали есть разговор о *человеческой* жизни. Так, в прежние века западные ученые проводили различия между моральной философией, философией природы и религиозной философией. Моральная философия явным образом занималась человеком, и в различные времена и в разных местах ее учение включало в себя этику, политическую мысль, изучение языка, богатство народов, правильное упорядочивание семьи и подобное. Моральная философия в качестве своей области имела оценивающего субъекта, человека. Более того, можно отметить, что не существует такого аспекта человеческой жизни, в котором не могла бы идти речь о морали, хотя, конечно, политики, бизнесмены и все мы, желая просто повеселиться, иногда пытаемся исключить ее из практической области. Шутка часто является моральным способом быть аморальным. Большая часть морали осуществляется – это поступок, не разговор. Большая часть морали невыразима в словах. На мой взгляд, есть нечто очень странное в философях, обсуждающих мораль с точки зрения мысленных экспериментов (подобных дискуссиям о выборе платформы, в которую лучше врезаться потерявшему управление поезду), когда повседневный мир полон моральных выборов и головоломок. Неудивительно, что обсуждение морали находит самое богатое выражение в романе, в театре и творениях воображения. Это знают все читатели Чехова, или Флобера, или Дж. Элиота. Художественная литература дает примеры во всей их полноте и эмоциональной насыщенности – примеры социальной встроенности морального и аморального поступка. Тем не менее это не дает моралистам четкого или непротиворечивого ответа, желаемого ими. И это, конечно, не помогает чиновникам разработать выглядящие объективными правила распределения ресурсов (например, денег на дорогое медицинское лечение).

В повседневном использовании английского языка проводится ясное различие между «фактами» и «ценностями», и когда кто-то смешивает их, это объясняется предубеждением, предрассудком, глупостью, жестокостью, сумасшествием, пропагандой, идеологией и проч. Во многих контекстах различение фактов и ценностей, таким образом, очень уместно. Это различие было стандартной частью позитивистской эпистемологии и разглагольствований о «чистой» и «прикладной» науке. Тем не менее многие, в том числе и я, считают, что каким бы полезным ни было такое различие в повседневной речи, невозможно провести абсолютное различие между фактическими и ценностными суждениями. Любое суждение содержит имплицитную оценку (т.е. суждение о факте включает ценность высказывания истины; высказывание о том, что я родился в 1945 г., содержит очень высокую оценку соответствующего календарного измерения): оценка является измерением любого дискурса. Я хочу сказать, что наш человеческий мир является оценочным миром: *вещи имеют значение (things matter)*.

При всем сказанном остается вопрос, что есть хорошее и что плохое? Тут, как я подозреваю, есть глубоко заложенная закольцованность, весьма возможно, необходимая закольцованность. Чтобы утверждать, что нечто является хорошим, требуется наличие предшествующего понятия хорошего, но мы имеем его благодаря жизни в сообществе. Многие думают, что этого недостаточно, и ищут по ту сторону объективный абсолют, Бога, трансцендентальный разум или эволюционное состояние природы. Но этот поиск, по-моему, только преобразовывает проблему, делая онтологические заявления о богах или разуме, или природе вместо онтологических заявлений о том, что есть благо. Конечно, мы, как и должны, утверждаем некоторую основу для наших представлений о мире, и наше понятие блага может быть просто таким основополагающим утверждением.

Перевод с английского О. Зубец

Richard Werner¹

I don't think that morality can be defined. To quote W.V.O. Quine, "uncritical semantics is the myth of a museum in which the exhibits are meanings and the words

¹ Richard Werner — John Stewart Kennedy Professor of Philosophy Hamilton College — teaches courses in ethics, ancient philosophy and applied social philosophy. His recent research interests center on issues relating to applied philosophy: war, climate change, experimental ethics and evolutionary ethics. Werner is the author of articles on ethical realism, pragmatism, just war theory and medical ethics.